

ый совет

ЛИД
платежная с

нерство

НЕ ВСЁ ИЗМЕРЯЕТСЯ ЦИФРАМИ

ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО В СОСТОЯНИИ СТАГНАЦИИ И РЕЦЕССИИ ЖИТЬ очень неуютно. И — скучно. Потому что нет движения, а робкие прогнозы «условного» роста только усугубляют ситуацию. Впрочем, I квартал нынешнего года подарил некоторые надежды, что, видимо, дало основания говорить (причём на самом высоком уровне) о преодолении кризиса и начале поворота экономики к росту. О том, ощущает ли этот поворот наш бизнес и насколько он готов к переменам, мы решили спросить исполнительного вице-президента Российского союза промышленников и предпринимателей **Александра МУРЫЧЕВА**.

БДМ: Александр Васильевич, поделитесь, пожалуйста, оптимизмом — мы всё-таки выбираемся из рецессии? Или вновь, как уже не раз бывало, принимаем желаемое за действительное?

Я вообще-то осторожен в оценках, но нельзя не замечать очевидного. Перемены есть, они не просто ощущаются, но и заметны, как говорится, на глаз, а точнее — по цифрам, которые отражают эти перемены. Есть и своего рода «косвенные признаки» — скажем, на экономическом форуме в Санкт-Петербурге председатель Центробанка заявила вполне определённо, что регулятор будет в ближайшее время снижать ключевую ставку, хотя обычно таких обещаний не даёт. И правда, уже в середине июня ставка опустилась до 9%, что всё равно много, но радует именно сам факт её поступательного снижения. Это ведь вполне отчётливый сигнал рынку: падает ключевая ставка, значит — дешевеют ресурсы, и кредиты становятся более доступными реальному сектору. То есть страна вырывается из трясины рецессии.

Нельзя сказать, что действия монетарных властей всегда безупречны, — не на пустом месте возникают к ним претензии со стороны бизнеса. Но надо отдать должное — экономические макропроцессы мало-помалу вновь становятся управляемыми.

БДМ: Особенно если вспомнить шок 2014-го и общую растерянность 2015 года... В целом я с вами согласен, хотя, по правде сказать, кажется мне, что порой вожди натягивают уж очень туго. Ослабленная экономика плохо переносит жёсткие меры: вспомним, сколько предприятий, банков и предпринимателей за последние три-четыре года вынуждены были уйти с рынка. Как вы думаете, этот исход сейчас ослабеет?

Хотелось бы надеяться. Да, собственно, и предпосылки к этому имеются. Есть ощущение, что плюсовой I квартал — не результат стечения обстоятельств и не погрешность статистики. К тому же не всё измеришь цифрами. Тем более — принимая во внимание масштабы страны и неизбежно связанную

с ними инерционность, которая сказывалась и во вполне благодатные годы.

Вообще-то, озабоченные обилием проблем, мы редко и мало говорим о хорошем. И совершенно напрасно. Прежде всего, Россия стала меньше зависеть от продажи сырьевых ресурсов, и цена на нефть перестаёт быть навязчивой идеей. Да, структура экономики меняется не взрывным порядком, а постепенно, но — явно и довольно интенсивно. Достаточно сказать, что в структуре бюджета сырьевые доходы сегодня составляют порядка 30%, а не больше двух третей, как совсем недавно.

БДМ: А сколько лет эта проблема считалась неразрешимой... С другой стороны, газ и нефть изрядно подешевели, и на прежние сверхдоходы рассчитывать не приходится.

Понятно, что свою роль сыграло здесь снижение цены барреля, но после первого шока Россия к этой новой реальности вполне адаптировалась. Так же, как и к санкционному давлению. В известном смысле оба эти обстоятельства сыграли в нашу пользу: нам пришлось

поневоле перестраиваться, перенося акцент на направления, которые раньше считались заведомо проигрышными. Но, как только «включили голову», оказалось, что выигрывать мы можем и на другом, не сырьевом поле. Уже много говорилось об успехах агропрома — сейчас мы на 80 с лишним процентов обеспечиваем себя продовольствием. Более того, по объёмам зернового экспорта страна вышла в мировые лидеры. Выходит, сельское хозяйство — вовсе не «чёрная дыра», какой его считали ещё совсем недавно.

Что касается других отраслей, то в атомной энергетике, например, мы не только не сдали прежних передовых позиций, но и усилили их. Проблемы, возникшие в результате разрыва интеграционных связей с Украиной, по большей части уже решены, а к 2019 году Россия полностью закроет эту брешь. Очень радует авиастроение — разумеется, впереди ещё много работы, но тенденция к развитию обозначилась чётко. Новую продукцию оборонки мы с вами каждый год видим на парадах (и не только на парадах). Надеюсь, инновации в оборонке будут потихоньку осваивать и в экономике страны. Мы преуспели в программах информационной безопасности, развитии космических технологий, двигателестроении. Да и в целом инновации перестали быть для России недостижимой мечтой, жизнь показала, что у нас по-прежнему есть и отличные умы, и замечательные специалисты. Словом, есть чему порадоваться.

Другое дело, что успешных отраслей не так много, как хотелось бы и как нужно стране, чтобы обеспечить экономический рост. И это, пожалуй, беспокоит сегодня больше всего.

БДМ: Понятно, что успешные отрасли получили некоторые преференции. Может быть, точнее даже сказать, что контрсанкции сократили преимущества зарубежных поставщиков. Однако нельзя же обеспечить такими условиями весь бизнес поголовно?

Почему же нельзя? И речь здесь не только и не столько о денежных вливаниях

из государственного бюджета, сколько именно об условиях ведения бизнеса. Спору нет, многое сделано и с точки зрения устранения административных барьеров, и в налоговой политике. Но осталось-то нерешённых проблем ещё больше.

БДМ: Что, кстати, показывают опросы, которые РСПП предпринимает регулярно? Какие проблемы сегодня мешают бизнесу больше всего?

Главная помеха очевидна: снижение спроса. Конечно, это естественная проблема в пору кризиса, но если обычно с окончанием острой его фазы спрос восстанавливается довольно оперативно, то рецессия этот процесс тормозит и даже усугубляет.

Но что интересно — на вторую ступеньку в списке трудностей большинство респондентов поставили нехватку квалифицированных кадров. Кстати, я просмотрел прошлые опросы, и оказалось, что эта проблема не сходила с повестки дня все последние годы, а в 2010-м вышла даже на первое место!

БДМ: Таким образом, проблемы экономики тесно переплетаются с задачами образования?

А они всегда переплетались, просто в советское время система образования отвечала на запросы страны, а сейчас, видимо, ориентируется исключительно на незрелые желания школьных выпускников. И получается, что у нас полным-полно менеджеров и юристов (причём в основном не самого лучшего качества подготовки), а реальные запросы никого не интересуют. Наверное, проблема выходит за рамки нашей беседы, но то, что образование требует внимания всего общества, это очевидно...

Вернёмся к тому, что ещё мешает российскому бизнесу. На третьем месте оказался рост цен и тарифов. И это притом, что, по заявлениям Центробанка, с инфляцией справляемся неплохо. Тем не менее все мы видим, что растут и потребительские цены, и тарифы, что снижается

уровень обеспеченности (как населения, так и предприятий), а следовательно, и спрос. Такой вот заколдованный круг получается.

Следующую ступеньку в перечне помех делят между собой коррупция и «чрезмерное контрольно-надзорное давление». Впрочем, если разобраться, то это две стороны одной медали. Вы правы в том, что излишнее «натягивание вожжей» по отношению к бизнесу ни к чему хорошему не приводит. Так что властям надо думать, как сбалансировать необходимое наведение порядка (что, бесспорно, необходимо) и нормальный бизнес-климат.

БДМ: Удивительно, что в пятёрке «антилидеров» не фигурирует доступность кредитов, хотя многие предприниматели сетуют на нехватку финансирования.

Обратите внимание, что и налоговая нагрузка занимает не первые места в списке, хотя любой предприниматель скажет вам в беседе, что она обременительна, особенно для малого бизнеса. Но главная беда тем не менее не в размере налоговых выплат, а в непредсказуемости фискальной политики. Никто не уверен в том, что завтра кому-то из правительства не придёт в голову «свежая идея» — выжать из бизнеса ещё что-нибудь. Так уже не раз бывало: и с введением социальных взносов, и с повышением акцизов...

Что касается доступности кредитов, тут всё тоже не так просто. Кредиты надо возвращать и обслуживать, а сделать это за счёт операционных доходов невозможно — разве что торговля здесь справляется. Рентабельность же производственных компаний не позволяет залезать в долги, поэтому часто они ставят крест на развитии, пытаясь просто хотя бы выжить — «на свои».

БДМ: Но такая ситуация и банкам невыгодна: неработающие деньги — почти выброшенные...

Конечно, ситуация ненормальная — по сути, нарушены основные

постулаты рыночной экономики, где в норме банки должны кредитовать предприятия, зарабатывая на этом маржу, а предприятия — за счёт этих кредитов развиваться. Вот когда нет ни того ни другого, а растут только «плохие» долги и неработающие ссуды, возникает то, что получило название «рецессии балансовых счетов». Если добавить к этому высокую кредитную ставку, волатильность рубля и реальную инфляцию, становится понятно, почему бизнес избегает заёмных денег.

Что остаётся банкам? Искать другие заработки: от комиссионных доходов до валютных спекуляций. И как-то разбираться с проблемными заёмщиками (а они нынче почти все проблемные).

БДМ: Помнится, в марте этого года, на заседании «банковской» комиссии РСПП эксперты говорили о таком феномене современной российской экономики, как «восстановление без кредитования». Разве такое возможно?

Как видите, возможно. И прежде всего за счёт государственных ресурсов, хотя рассчитывать на рост в таком случае не приходится. Это не столько восстановление, сколько та же стагнация — в рамках каждого отдельно взятого предприятия и экономики в целом. Поэтому РСПП столь настойчиво говорит о необходимости расчистки кредитных завалов, образовавшихся за кризисные годы.

БДМ: Как их расчищать, если действительно беспроblemных заёмщиков практически не осталось, а «плохими» долгами балансы уже переполнены? Честно говоря, я не очень верю тому, что уровень просрочки якобы уже снижается. Боюсь, во многих случаях речь идёт о реструктуризации долгов, которую банки предпринимают, чтобы не сильно портить отчётность.

К сожалению, зачастую так и бывает... На взгляд экспертов нашей комиссии, выход — в создании того

самого банка «плохих» долгов, о котором спорят ещё с прошлого кризиса. Сколько бы ни протестовали оппоненты, никакого более логичного выхода предложить не могут. Можно сослаться на неудачный опыт других стран, но нельзя забывать, что есть и удачные примеры. Как мы наблюдали на примере АСВ, грамотно проведённая санация банков даёт результаты. Может быть, есть смысл дополнить существующий закон механизмом санации долгов предприятий? Не бросить их на произвол судьбы и ждать банкротства, а попытаться что-то сделать. Для начала долги надо «собрать в кучу», дабы оценить масштабы бедствия. Затем рассортировать, отделив совсем ненадёжные от тех, с которыми можно работать, например, продавать на вторичном рынке. Такой опыт за рубежом есть, почему бы не сориентироваться на него?

Я уже говорил о том, что не всё измеряется цифрами, в том числе и суммами долгов. Порой они возникают в результате временных трудностей, стечения обстоятельств, а освобождённое от долгового ярма предприятие вполне может подняться и пойти вперёд. Понятно, что передача задолженностей в такую структуру не должна становиться неким массовым, механическим процессом. Но отмахиваться от долговой проблемы, пускать её на самотёк — совсем никуда не годится. Поживём — увидим. Может быть, Фонд консолидации банковских активов, недавно созданный, займётся этими проблемами.

БДМ: А кто заинтересован в наведении порядка в кредитной сфере, помимо небольших банков, для которых каждое доначисление резервов может стать (и часто становится) катастрофой? Может быть, это политика такая — всё укрупнить до предела?

Как показывает жизнь, крупные банки тоже уязвимы — лицензии отзывают и у банков первой сотни, так что от неприятностей никто не застрахован.

Положим, банки с государственным участием могут рассчитывать на бюджетную помощь, но у нас в этом секторе концентрация банковского бизнеса и так зашкаливает. А ведь куда логичнее было бы обеспечить всем банкам равные — по-настоящему равные — конкурентные условия. Допустить небольшие банки к тем же программам финансирования МСБ, например... И уж во всяком случае не создавать им дополнительных трудностей.

БДМ: Однако вот приняли закон о пропорциональном регулировании — и теперь банки вольны по мере возможностей выбирать универсальную или базовую лицензию и в зависимости от этого получать обычный или облегчённый режим. Разве это рыночный закон, он не нарушает условий конкуренции? Ведь «базовые» банки будут ограничены в наборе операций...

Вы помните, сколько копий было сказано вокруг самой идеи пропорционального регулирования, сколько высказано замечаний? В итоге появился закон, где попытались учесть и отраслевые, и групповые интересы. Наверное, совершенным его назвать нельзя, но с чего-то надо начинать. А то мы оглядываемся на другие страны и думаем, что тот порядок, который нам, предположим, нравится, появился сам собой. Нет, к нему точно так же пришли через неудачи, ошибки, конфликты. Нам ещё повезло: мы за три десятка лет проскочили путь, который у других занял как минимум столетие. И начали сразу с внедрения современных банковских технологий — этап бумажных платёжек и чековых книжек буквально промелькнул за несколько лет.

Что до справедливой конкуренции, то она как раз не в наличии того или иного вида лицензии. Если регулятор будет относиться к крупнейшим и маленьким банкам с равным уважением, если их деловые интересы будут учитывать в разработке различных программ и предоставлении

доступных ресурсов — вот тогда можно говорить о равных условиях.

Справедливость — вообще понятие сложное. Изначально у крупного банка больше возможностей, больше веса в обществе. Но иной небольшой банк у себя в регионе «весит» не меньше — ему доверяют, у него своя клиентура, своя роль в экономике города или области, есть перспективы. Но порой — и весьма часто — неосторожно обронённое слово «сверху» ведёт к тому, что вкладчики забирают свои деньги, чтобы переложить их в большой, чаще всего государственный банк, потому что он — «надёжный». Другими словами, такому банку в случае чего «всё простится». И вот это уже — совсем неравные условия. И в этом направлении нам предстоит ещё много работать...

БДМ: Вы упомянули о современных банковских технологиях. Хочу немного развить эту тему, учитывая, что после экономического форума в Санкт-Петербурге все взахлёб стали говорить о цифровой экономике. Мне этот энтузиазм не очень понятен — в банковской сфере, с которой я имею дело уже больше 20 лет, тема IT стала уже, можно сказать, рутинной.

А это как раз преимущество молодости нашей банковской системы. Она возникла именно в тот момент, когда банковская IT-отрасль уже выросла из коротких штанишек и начала предлагать финансистам вполне продвинутые технологии. Сначала — зарубежные, но почти сразу же появились и отечественные разработчики, которые довольно быстро вышли на хорошие позиции. Им, впрочем, и карты в руки — они хорошо понимают специфику российского рынка, знают «подводные камни», способны предвидеть особенности дальнейшего развития.

Но в данном случае речь идёт всё-таки не об отдельно взятой отрасли, а о переводе «в цифру» всей экономики, и не только экономики. Это серьёзная, масштабная программа,

на годы вперёд. В столицах и городах-миллионниках уже многое «оцифровано». Однако радоваться рано, потому что на бескрайних российских просторах немало таких мест, где и Интернета нет, и мобильник не ловит. Почему и говорю, что дел здесь — на годы.

БДМ: Есть, правда, в этой теме то, что меня несколько смущает, — подверженность некоей моде. То вдруг повальное увлечение блокчейном, то безапелляционные прогнозы о том, что совсем скоро банков не будет вовсе, останутся IT-компании, оказывающие финансовые услуги...

Это нормально — в IT работают, как правило, очень увлечённые люди, забегающие в своём видении мира далеко вперёд. Что и хорошо, это позволяет находить свежие, прорывные решения. Что касается «завиральных идей», жизнь всё расставляет по местам.

Бесспорно, информационные технологии будут всё глубже проникать во все сектора экономики — от оборонных комплексов до производства продуктов. И здесь наша страна имеет очень хороший, конкурентоспособный потенциал (недаром же половина знаменитой Кремниевой долины говорит по-русски).

БДМ: Оставила напоследок трудный вопрос — о судьбе малого бизнеса в России. Почему трудный? Потому что говорят о поддержке этого сегмента много, а реальная жизнь вносит коррективы. Опять не уйду далеко от банковской темы: отозвали у банка лицензию, и пострадали сотни его мелких корпоративных клиентов, вплоть до банкротства. Частным клиентам положена компенсация, «юрикам» — ничего. Да и «прыжки» национальной валюты негативно отзываются именно на МСБ, который ориентирован на внутренний рынок.

Трудный вопрос. Потому что нет здесь ни однозначного ответа, ни готовых решений. На самом деле —

будем объективны — государство принимает меры по поддержке малого бизнеса: и по части снятия административных барьеров, и в налоговой сфере. Однако по жизни эти меры мало что дают для предпринимательства. Главное — проблема взаимного доверия, предсказуемость.

Но я не случайно говорил о масштабах нашей страны, предполагающей известную инерционность, — такое вот «проклятье больших структур». Поэтому принятые в столице решения часто доходят до мест, как в игре «испорченный телефон». Ну и ряд последних событий говорит о том, что коррупции расстояния не страшны: она цветёт как в высоких столичных кабинетах, так и в дальних городках.

Да, на малом бизнесе — как на конечном потребителе — сказываются и ошибки принятых на федеральном или местном уровне решений, и рискованная политика банков, и курс рубля, и кризисное падение уровня жизни. Вот и приходится ему за всё отдуваться.

Тем не менее и здесь есть перспективы. Существует зарубежный и российский опыт, когда малый бизнес как бы «прислоняется» к крупным предприятиям и корпорациям, выполняя их заказы. Такая практика принята в немецких автоконcernах, а у нас в стране приведу в пример ту же Калужскую область. Такие предприятия-спутники получают гарантированный сбыт, а это ведь для бизнеса главное.

Думаю, есть и другие варианты развития этого сегмента, важно лишь, чтобы дело не ограничивалось краткосрочной кампанией в ответ на указы президента, как это часто бывает.

Надо понять, что экономика, как, собственно, и страна, не существует отдельными сегментами, всё взаимосвязано. Вот если поймём и почувствуем это, тогда пойдём вперёд.

А других вариантов для нас нет.

Беседовала
Людмила КОВАЛЕНКО